

Ярослав Гашек страшно любил подтрунивать над друзьями. Может быть, при его жизни кто-нибудь на него и обижался, тем более что на язык Гашек был ой как острый. Но после его смерти, по мере того, как росла его слава, достигнув всемирной, друзья и близкие писали мемуары, где обиды были не только забыты, напротив, каждый почитал за честь вспомнить теперь, по какому поводу Гашек выставил его и комичном свете.

В 1911 году Я. Гашек собирает в одну книгу небольшие рассказы, объединяя их заголовком «История партии умеренного прогресса в рамках закона». Партия такая и в самом деле была создана им как пародия на множество политических партий загнивающей австро-венгерской монархии. Членами ее были ближайшие соратники Гашека, ее единственного «кандидата в парламентские депутаты». Многие страницы «Истории» отданы рассказам о друзьях-приятелях. А уж в каком свете выставляет их автор — судите сами... Рассказы, которые мы предлагаем вашему вниманию, публикуются впервые.

ИЗ «ИСТОРИИ ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА»

КОМПОЗИТОР ХЛАНДА

Мало на свете музыкантов, которые, садясь за пианино в кинематографе для сопровождения демонстрируемых на экране воровских авантюристов, убийств и прочих кошмарных преступлений и кровавых драм, скидывают со лба волосы столь эффективным, благородным жестом, как пианист и композитор Хланда. Стоит ему запустить пятерню в шевелюру — и сразу видно, что перед нами, несомненно, личность гениальная.

Странствуя по Венгрии, я не раз вспоминал, как, сидя за пианино в ресторанчике «У Литра», он противно стучал по разным клавишам верхнего регистра, утверждая, что прежде,

чем сочинять, непременно надо перебрать бессмысленный набор звуков. Из неблагозвучия он выуживает и переносит на нотную бумагу оригинальные музыкальные темы, объединяет несколько эскизов в одно целое — и на свет появляется либо баллада, либо веселая песенка, в зависимости от того, хорошо ли настроено пианино и на что больше настроен Хланда. Если пианино в конце концов расстроено, он не сочиняет вообще. Тот же эффект, если в расстройстве он сам. Но так как инструменты в ресторанчиках редко бывают настроенными, а Хланда еще реже пребывает в добром расположении духа, то творит он исключительно редко. Если же настроенность одного и другого вполне сносна, для работы Хланде нужны полная тишина и спокойствие. А какая может быть тишина, если при этом приходится играть на пианино — без него музыканту не обойтись никак. Тут кто угодно выйдет из себя! И Хланда, махнув на все рукой, бежит от проклятого пианино, чинящего ему столько препятствий на творческом пути.

Несмотря ни на что, Хланда мечтает написать оперу. Потому в голове его вертится карусель мыслей, остановить которую можно только одним способом: сначала сочинить весь текст, затем вникнуть в суть слов и утрясти их с музыкальными темами. Он говаривал:

— В любой рифме я слышу мелодию. Порифмую, порифмую — «трава»

— «вдова» — «молва» — и готов лейтмотив первого действия.

Однажды он появился «У Литра», волоча с собой здоровенную папку с надписью:

ОЧИ СИННИЕ

Опера

Слова Хланды, музыка Хланды.

Он раскрыл папку — там лежало пол-листа с текстом первой сцены. Под ним — лист нотной бумаги, пока еще ничем не заполненный. Текст был такой:

На сцене голубое небо над молодым зеленым лугом. Вдали виден густой лес. Справа из-за кулис выходит молодой лесничий Горак. Играет на валторне. Из лесного молодняка выбегает девушка в крестьянском наряде. Это Аничка, дочь главного лесничего. Аничка поет:

Мой плач несется вдали,
скрой, лес, мою печаль!

ГОРАК:

Я устою едва ль.

Подходит к Аничке и поет:

Очи синие и прекрасные,

как забыть мне вас, очи страстные! Не будите чувства напрасного, не глядите так на несчастного!

АНИЧКА:

Что слышу я и от кого же?

За что меня караешь, боже!

Вдалеке за сценой слышен хор работающих в лесу лесорубов:

Елки рубим мы с утра,

отдохнуть давно пора.

Губим, губим на корню

буйну молодость свою.

Голос главного лесничего:

А ну-ка, дармоеды, замолчите!

Я трубой подымлю, вы ель свою

рубите!

АНИЧКА:

Ко всем суров отец мой стал не

в меру.

Быть может, он в людей утратил веру.

Зачем он так с сынами чешского

народа?

Веками цель их доблестной борьбы —

свобода!

ГОРАК:

Пора признаться, Аничка: я — немец!

Я немец. Немец я. Ведь я же немец!

АНИЧКА:

Как, вы?.. О, неужели немец вы?

ГОРАК:

Воды, скорей воды!

Лесорубы за сценой поют:

Где родина моя?..

— Ну??? — спросил Хланда, за-

читав столь многообещающее начало.

— На эти слова музыка так и просит-

ся. Разве теперь кому доверись либ-

ретто? Нет, все только сам! Вы еще

увидите, что я из этого сделаю. Кое-

какие арии уже вертятся в голове.

Устроившись за инструментом, он

наиграл тему «Очи синие и прекрас-

ные...»

— Чего смеетесь-то? — прикрикнул

он на нас, сидя за пианино.

— Да это же старинная народная

песня «Очи синие»...

— Господи всемогущий! — вскричал

Хланда. — Так и есть, сам теперь ви-

жу. А я уж думал тему эту лейтмотивом развернуть...

* Патриотическая песня, ставшая позже национальным гимном.

ЛЮБОВНЫЕ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ДРОБИЛЕКА

Бывают на свете благородные натуры, которым в конечном счете всегда платят черной неблагодарностью, принуждая их играть мучительную роль людей обманутых. А уж что касается отношений этих рыцарей с прекрасным полом, то чаще всего женщины водят за нос именно самых благородных, и именно самым великодушным мужчинам катастрофически не везет в любви.

Вот и Дробилек, благородный до того, что всякий раз безотказно поручался за Маха, время от времени переживал несчастную любовь.

Сначала он любил Барушку, повариху из ресторана «У свечки», пухленькую и наивную деревенскую девушку. Раз он даже осмелился ей признаться, что испытывает желание пойти с ней в кинематограф.

— Потаскун, вот вы кто! — возмутилась Барушка. — Вы за кого меня принимаете?

С тех пор Дробилек перед Барушкой благоговел и, стоило заговорить о женщинах, непременно замечал: мол, одну ее такую порядочную и знавал — Барушку, стало быть. Ту самую, что через несколько лет, собираясь варить кофе, свернула водопроводный кран в хозяйской квартире и, не зная, как остановить воду, сиганула с четвертого этажа и убила насмерть. Так умирают только нигилисты в России.

Потом Дробилек любил швею. Он всячески демонстрировал ей свое благорасположение и, будучи нараву крошечного и честного, как-то раз безо всякого дурного умысла пригласил ее в лес погулять. На условленное место он явился с большим свертком под мышкой.

— Что это вы такое несете? — с очаровательной улыбкой спросила девушка, когда они сели на паровоз, чтобы отплыть в пригород Завист.

— Потерпите, милая, вот до лесу доберемся... Не тут же, у всех на виду... — отвечал Дробилек, преданно глядя ей в глаза.

Когда они наконец оказались в лесу и облюбовали местечко, скрытое от людских взоров, Дробилек, прижавшись к своей второй возлюбленной, нежно заворковал:

— Золотко мое, я тут захватил двое подштаников да пару рубашек, и нит-

ки у меня с собой. Подштаники в шагу треснули, рубашки на локтях протерлись. Уж вы мне, золотко, почините прямо сейчас, а?

И, восторженно оглядевшись, воскликнул:

— Нет, вы только послушайте, как дивно поют птицы!

Рассказывая нам эту историю, Дробилек неизменно добавлял, вздыхая:

— Представляете, обозвала меня лентухом. Я ей даже подштаники протянуть не успел — а ее уж и след простыл. Может, она меня не так поняла, когда я ей предложил подалше пойти, в самую чащу?

После этого злоключения он долго поглядывал на женщин с опаской, пока в один прекрасный день не заявил, что его полюбила хозяйка винного

погребка, где он сорил деньгами. Искляла его щедрость — остыла ее любовь, и Дробилек еще раз убедился, что связываться с бабами — что головой в омут.

Он чурался их до тех пор, пока не познакомился с Вильмой, прелестной дочкой хозяина трактира, где он обедал.

— А странно все-таки, — не раз дивился Дробилек, — у трактирщика дочерей куча, а я почему-то люблю именно эту. Поразительное совпадение. Придется на ней жениться, если кто-нибудь не перебежит дорожку.

Дорожку перебежал друг Ферстер.

— Мадемуазель, — обратился он к предмету вожделенной любви Дробилека, — как можно выйти замуж за Дробилека, если вас люблю я? В случае препятствий для нашего брака предлагаю побег.

На следующий день Дробилек праздновал помолвку с Вильмой. Через час после начала торжества явился Ферстер и, умыкнув невесту в коридор, стал пространно внушать ей, что, во-первых, выходя замуж за Дробилека, она делает неверный шаг, ибо еще слишком молода; во-вторых, что он любит ее ничуть не меньше Дробилека, поэтому — как ей уже было сказано — лучшее, что она может сделать, это убежать из дому и подчиниться судьбе. Если же не в ее власти отказаться от Дробилека, он сам заставит жениха порвать с нею и заняться одной из оставшихся сестер. Затем он предложил ей бежать прямо сегодня и заночевать в какой-нибудь гостинице, а Дробилеку оставить извинительное письмо — вот смеху-то будет! А чтоб еще смешнее было, в письме надо написать, что жениха она совсем не любит. Мол, все мы спораем от любопытства: чем дело кончится?

Оставив ее в коридоре, он подозвал Дробилека и сообщил ему, что мадемуазель Вильма желает с глазу на глаз поделиться с женихом планами на будущее. Дробилек проторчал с Вильмой в коридоре добрых полчаса и, вернувшись к гостям, сказал:

— Невинное дитя, она просто рыдает от счастья — я обрадовал ее, что вся мебель уже заказана, а в церкви я велел целых три объявления повесить.

Только мы разгулялись на помолвке, как снова вмешался Ферстер: дескать, сегодняшнее событие хоть и знаменует начало новой жизни, но не надо думать, что помолвка — делу конец, и, нежно обняв Дробилека, добавил:

— Какие бы невзгоды ни встретились на твоём пути, не забывай, что я всегда останусь твоим лучшим другом.

Той же ночью Вильма бежала.

Когда на следующий день Дробилек по обыкновению явился на обед, предвкушая, как на десерт подадут любимый пудинг, его взору предстала следующая картина: в расписной закружкой черного пива сидел отец Вильмы. Увидев Дробилека, он еще издали крикнул:

— Пан Дробилек, я просто волосы рву на голове — ну, что ты тут подлаешь!

Озадаченный Дробилек прошел в трактир. В углу сидела заплаканная трактирщица, а из кухни выглядели зареванные личики пяти ее дочерей. Подошла официантка с покрасневшими от слез глазами:

— Беденький пан Дробилек, вы уже знаете, да? Вильма сбежала!

— А десерт? — в ужасе воскликнул Дробилек.

Услышав такое, трактирщица всплеснула руками и понеслась на кухню, крича по дороге дочкам:

— Боже мой, пан Дробилек свихнулся с горя!

Тогда к Дробилеку подошел сам трактирщик и протянул ему записку, написанную рукой Вильмы: «Пан Дробилек, почтеннейший пан Дробилек! Прошу у вас тысячу извинений, что я вас не люблю и что я убежала. Ваша любящая Вильма».

По лицу Вильмино отца, человека впечатлительного, текли слезы, а Дробилек, сунув письмо в карман, тоскливо спросил:

— Пан трактирщик, но десерт-то вы мне все-таки оставили?

Тут подоспела официантка Боженка, слезы так и капали на большую порцию малинового пудинга, который она протянула Дробилеку со словами:

— Беденький пан Дробилек, вы так любите пудинг! А она ночью взяла и убежала!

Дробилек, с блаженной улыбкой поедающий пудинг, отвечал:

— Слава те господи, а я уж испугался, что вы мне и пудинга не оставили!

Каждый раз, вспоминая эту историю, он добавляет:

— В жизни не видать мне больше такой порции пудинга, как в тот раз, когда от меня убежала невеста. Ох и вкусотища была!

Публикация и перевод
Наталии Зимининой.
Рисунки Г. Новожилова.

Перевод выполнен для 6-томного собрания сочинений Я. Гашека, выходящего в издательстве «Художественная литература».